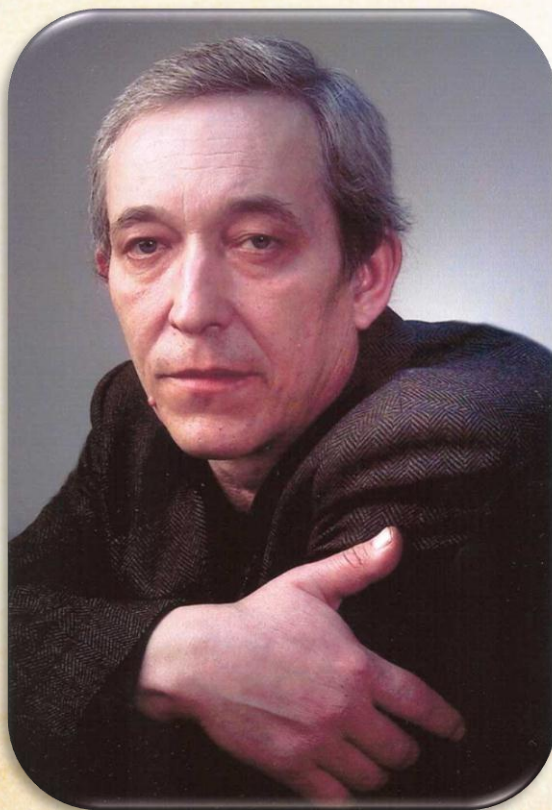

Ю. Шестаков

**Я пойду за незримо Ведущим
через бездны – к рассвету
вдали...**

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система № 2»
Губкинского городского округа

Я пойду за незримо Ведущим
через бездны – к рассвету
вдали...

Троицкий 2017

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5 Бел

Ш 51

Ответственный за выпуск Н. А. Юханова

Ш 51 Шестаков Ю. Я пойду за незримо Ведущим, через бездны – к рассвету вдали... : сб. стихов / Ю. Шестаков / МБУК «ЦБС № 2» Губкинского гор. окр., краевед сектор; сост. : Р. Лысых, Т. Афанасьева ; отв. за вып. Н. А. Юханова. – Троицкий, 2017. – 97 с.

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5 Бел

© МБУК «ЦБС № 2» Губкинского городского округа, 2017

Юрий Михайлович Шестаков (1949-2010) родился в селе Богословка Баброво-Дворского района Курской области.

В семь лет с родителями переехал в Ленинград, но на протяжении всей своей жизни не порывал связи с малой родиной.

Окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М.Горького (1993).

В 1988 году по рекомендации А.Тарковского, С.Давыдова, Л.Агеева принят в Союз писателей СССР.

Автор нескольких поэтических книг: “В начале дня” (1983), “У солнца на виду” (1986), “Волны земли” (1992), “Засадный полк” (1993), “Пристальное небо” (1998). В 2013 году в издательстве «Родная Ладога» вышла в свет книга избранных произведений Юрия Шестакова «Земное притяжение».

Лауреат премии Ленинградского комсомола в области литературы (1986), лауреат всероссийской литературной премии им. А.Фета (1997), лауреат премии им. Н.Тихонова (2009).

Поэзия Юрия Шестакова отчетливо видна в русском поэтическом пространстве рубежа XX – XXI веков и занимает свое особое место в литературном контексте русской литературы.

Умер 18 декабря 2010 года в г. Санкт-Петербурге.

Актуальная бесконечность	3
Аленький цветочек	3
Босиком бегу я по тропинке	3
Бессмертие	4
В детстве	4
В летнем саду	5
В ночном	5
В поле пшеничном.....	6
В саду.....	6
В центре бесконечности.....	7
*** Во тьме земли, под снежною половиной	7
Вбегаю в дом	8
Весеннее настроение.....	8
Весы.....	9
Вечер	10
Вечерний этюд.....	10
Вкус воды	10
Возвращение	11
Возвращение	12
Волны земли	13
Воспоминание.....	13
Встреча	14
*** Всё так привычно и знакомо	15
*** Взор твой нежностью неуголённой горит	16
*** Взглядам и словам моим внимала	16
Грёзы.....	17
Горела страстью ты неуголливо.....	17
Гроза в степи.....	18
До бесконечности	18
Двойники.....	19
Долгий мёд	20
Дорога жизни	21
Дыхание вселенной	23
Жажда	24
Желтые шторы.....	25
Земное притяжение	40
Зеркало	42
Зерно.....	42
Зерно.....	43

Игра.....	43
Идеал.....	45
Искушение.....	45
Каждый миг впереди.....	46
Каждое слово, число.....	47
«Возлюби ближнего твоего, как самого себя» Еван., от МФ. 22,39.....	47
Курское солнце.....	48
Магнит.....	49
Между.....	50
Мне снова снится: мы — на пляже,.....	50
Морозное утро.....	51
Навстречу свету радостного дня.....	51
На землю сквозь космические дали.....	52
На ладоге.....	52
На полевом стане.....	53
На сквозняке.....	54
* * *Нам говорили, что бессмертна слава.....	55
Виктору Кингисеппу.....	55
Натюрморт.....	56
Начало.....	56
Наше поле.....	57
Небо как синяя птица.....	58
Нож пустоты.....	59
Алине Мальцевой.....	59
Ночь в лесу.....	60
Орлик.....	60
Отдых на покосе.....	62
Память.....	62
Первое свидание.....	63
Первый прыжок.....	64
Первый учитель.....	65
Перед снегом.....	65
Переливание души.....	67
Под Нарвой.....	67
ОТЦУ.....	67
Полдень.....	69
Посеявший ветер.....	70
После битвы.....	70
Последний трамвай.....	71

Поэт	72
По-утреннему лес одет... ..	72
*** Просветлённые улицы.....	72
Простуда	73
Пульс.....	73
Пытался проникнуть я взором	74
Равновесие	74
Равновесие	75
Родники	75
* * * С моего рожденья и поныне... ..	76
Светотени.....	76
Свобода	76
Сети	77
Синие листья	78
Сны.....	79
Солнечные соты.....	80
Сонет	81
* * * Стареет на земле любая новь... ..	81
Судеб живые нити	82
Тени	82
* * *Торопил я в детстве время.....	83
У Прохоровки.....	83
Утро на покосе.....	85
Фильтр.....	86
Через перевал	87
Энное измерение	88
Я тяготился тьмою законной	89
*** Я шагал один по мостовой	89

Актуальная бесконечность

о. Павлу Флоренскому

Окружено прошедшим и грядущим
мгновение для временно живущих
любое, кроме крайних двух мгновений,
граничащих со смертью и рождением,
похожих на загадочные звенья
разорванной цепи, чьи два конца
не нарушали до грехопаденья
спасительную замкнутость кольца.

2008 г.

Аленький цветочек

Моей дочери Россияне

Взошёл подснежник на проталинке,
расправил белый свой наряд.
Но алая взошла заря –
и стал цветок цветочком аленьким.
Сдержи порывистую ласку,
лесное чудо не сорви!
И пламя нежное зари
забытую напомнит сказку...

Босиком бегу я по тропинке

Босиком бегу я по тропинке.
И кусты, и травы никнут сонно.
Только лишь глазастые росинки
очень любопытны
и до солнца
всё спешат на утро наглядеться -
на цветы, на тополя, на речку,
на меня,
бегущего из детства
миру долгожданному навстречу...

1986 г.

Бессмертие

Памяти С. Есенина
Признавался поэт грустноокий:
жизни, зря пролетевшей, не жаль...
Но бессмертно хранят его строки:
журавлей, улетающих вдаль,
и увядшее золото клёна,
серебристого тополя свет,
всё, что мог обессмертить влюблённый
в нашу смертную землю поэт...

2008 г.

В детстве

«С той стороны зеркального стекла...»
Арсений Тарковский
Дыханье затая,
своей рукой
зеркальный
я надламывал покой
промёрзших луж,
где под твердыней льда
хрустальные сверкали города...
Как бережно тогда я собирал
осколки перевёрнутых зеркал!
Потом их нёс благоговейно в дом,
прижав к груди и думая о том,
что сказочные замки и сады
не просто —
из мороза и воды...

1984 г.

В летнем саду

Иду вечерним летним садом.
И листья падают бесшумно.
Стоят, отпугивая сумрак,
тела, белеющие статуй,
Взираю на ограду эту
чугунную:
легка, красива —
к лицу такая даже зимам,
но больше —
осени и лету.
То облетев,
то расцветая,
собою оттеняя годы,
она волнует,
как живая, —
неотразимо отражая
союз металла и природы...

1985 г.

В ночном

Наступает ночь бесшумно.
Затихает громкий зной.
Кони щиплют вкусный сумрак,
пряно пахнувший травой.
Съем и я свой хлеб с картошкой,
зачерпну ручья немножко
и забуду вкус еды:
столько звёзд в моей ладошке —
в горсти неба и воды!

1986 г.

В поле пшеничном...

В поле пшеничном
к тебе прикоснусь ненароком, —
и не унять
среди душного знойного лета
резкий озноб, —
твои пряди как будто под током,
но так покорны
дыханию ветра и света.

Жадно тянусь
к твоему сокровенному зною,
мну васильки,
что к губам твоим путь перекрыли...
Близок родник.
Шелестит стрекоза над тобою,
влажно мерцая
тончайшими льдинками крыльев...

1993 г.

В саду

От поцелуя
ты прячешь лицо своё в листья
и между нами
свою раскрываешь ладонь,
чтоб из горсти твоей
мог бы в меня перелиться
вишни созревшей
упругий и круглый огонь.
Я замираю, мгновением этим томим,
сладким таким,
что навеки хочу оказаться
между желаньем вкусить

и желаньем остаться
между любимым из деревьев
и древом одним...

1993 г.

В центре бесконечности

«На свете счастья нет,
но есть покой и воля»

А. С. Пушкин

Подвижен туч гремучих потолок,
зияет лужа, будто бездны клоки;
кружась, взлетает с ветром листьев рой,
бежит ручей, припав к земле сырой;
сгорают звёзды, мчатся электроны,
как будто кем-то писаны законы
для этих непрерывных устремлений...
Но разумом в причину всех движений
я, как не бился, так и не проник:
повсюду – бесконечности тупик!
И мечется, с материей кружа,
в том тупике заблудшая душа.
Пронизанная сумрачной тоскою,
Она всё рвётся на земле к покою,
но суетой её размыта цель, –
движенья нет лишь там, где смысла центр:
в нуле всех бед, страданий, не покоя,
где тяжесть тела сбросил бы легко я,
где ни мгновений, ни минут, ни лет,
где царствуют всегда покой и Свет.

1999 г.

***** Во тьме земли, под снежную половой**

А. Г. Викторовскому
Во тьме земли, под снежную половой,

посевы грезят о тепле, и свете...
И мы мечтаем о грядущем лете
в карельских дебрях, в тишине еловой.

Оставим город этот, злой и пыльный,
под небом низким и слепым от смога,
и в добрый мир нас приведёт дорога,
где мы не раз уже с тобою были.

Делили поровну кусок последний хлеба,
и лес поил живым брусничным соком,
и мыслями о вечном, о высоком
делилось с нами пристальное небо...

1995 г.

Вбегаю в дом

Вбегаю в дом.
Мне весело и зябко.
На лавках —
строй стеклянных банок разных.
Сверкают...
и от них светло, как в праздник.
Вдыхаю аромат румяных яблок
и думаю,
теплом печи согретый,
что бабушка с заботливым терпеньем
не просто "запасается вареньем",
а в банках от зимы спасает лето.

1984 г.

Весеннее настроение

Вот зеленеют снова травы
сквозь перегной травы былой,
лепечут майские дубравы

новорождённую листвою.

Картины детских впечатлений
светло встают передо мной,
но, видя в смене поколений
знак бесконечности дурной,

с каким-то чувством беспризорным
вопрос я задаю себе:
зачем всё то, что станет мёртвым,
живёт сегодня на земле?

На мой вопрос ответа нету,
и потому, тоску тая,
всё сумрачней по белу свету
скитается душа моя.

Лишь брошенный с небес сквозь тучи
в чудесном сне меня живит
соломенного цвета лучик —
надежды, веры и любви.

2009 г.

Весы

Как во сне, бреду осенним парком
с чувствами, созвучными погоде:
мне сейчас ни холодно, ни жарко,
осень – и на сердце, и в природе.
Помню, как страдал от непокоя,
равновесье двух миров нарушив:
тело страстно мучилось от зноя,
а в душе гнезвился сумрак стужи.
Оттого ль в огне телесной страсти
грусти лёд в моей груди не таял,
что мой дух природе неподвластен,

а подвластен вечной силе тайной?

2007 г.

Вечер

Я смотрю задумчиво в окно,
за которым звёзды чертят линии...
Ты не говори: «Уже темно...». —
Просто вечер стёкла вставил синие.

Просто день устал от суеты.
Ну а мне пора в дорогу дальнюю.
Фонарей блестящие цветы
мне подарит город на прощание.

1980 г.

Вечерний этюд

Влажный холод реки.
Угасающий день.
Но пылает костёр,
отражаясь в воде.

С ним пылаю и я
в своих пылких мечтах
отражаясь в твоих
повлажневших глазах.

2008 г.

Вкус воды

Под проливным осенним ветром
листва струится жёлтым светом,
напоминая летний день

и солнца блики на воде,
когда я пил из родника
прозрачный холод, и никак
не удавалось утолить
мне жажду тела...
А спешить
своей студёной чистотой
вода не позволяла, — свой
диктуя ритм глоткам моим!
И мне пришлось смириться с ним.
И лишь тогда я ощутил
в холодности — сокрытый пыл
упругой ласковой волны,
мне стали вихри струй видны
и дно — сквозь линзу глубины,
покрытое пятнистой тенью
листвы,
теперь уже — осенней...
Близка зима.
Но, слышу я,
не иссякает речь ручья
в душе моей — о летнем дне,
незамутнённой глубине,
и верю я,
что и тогда,
когда настанут холода,
хранить, как память, будут льды
и чистоту, и вкус воды...

1985 г.

Возвращение

От снимков на стене теснее стало,
просторнее и тише за столом...
Мы за него присядем, как бывало,
и не спеша заговорим о том,

что дождик нынче кстати — к урожаю,
что первый лук, чеснок уже возвращён,
припомним стариков,
и я узнаю,
кто помер на селе,
кто жив ещё...
И друг на друга нам не наглядеться...
А утром под знакомый разговор,
увидев тот же выцветший ковёр,
поверю я,
что просыпаюсь в детстве:
и вот,
смеясь,
бегу на кухню смело,
забыв на миг под впечатленьем сна
о том,
что тётя Люба постарела,
что так похожа внешностью она
на бабушку мою —
на молодую...

Возвращение

Моему брату Виктору
Опустевшую хату запрут.
С поворота махни ей рукой,
брось монетку в мелеющий пруд —
есть примета: вернёшься домой.

Детский мир будет вместе с тобой
безвозвратно взрослеть и расти,
отразятся росой и слезой
искривленья пространства-пути.

Только время в дугу не согнёшь,
но, согнувшись под грузом тревог,

в неевклидовых снах ты придёшь
блудным сыном — к началу дорог.

Станет тесной, как старенький дом,
окружённая бездной Земля;
к неземному покою влеком,
бросишь в небо глубокое взгляд,

где безгорестно звёздам висеть
и мерцать, как монетам со дна, —
в знак того, что вернёмся мы все
в горний дом, где душа рождена.

1994 г.

Волны земли

Стремительно перерастают доли
в холмы и к небу тянутся вдали:
для взора неподвижны эти волны
спокойно зеленеющей земли.

Но помогает мне воображенье
увидеть и долин, и гор движенье,
сводя века в мгновение одно:
и катятся громады волн оттуда,
из прошлого,
где я не скоро буду,
в грядущее,
где нет меня давно.

1986 г.

Воспоминание

Луной обнаженная полночь.
С тобою мы спрятались в тень.
Лица твоего я не помню,

но помню, как пахла сирень,
как платье нарядно белело,
как стройно оно облегло
твоё трепетавшее тело,
его наливное тепло.
Как пил родниковую стужу...
Но вспомнить никак не могу
Твой образ, который, как душу,
Как тайну свою, берегут:
Ручья светоносные нити,
Густая садовая сень
И солнце ночное в зените,
И в самом разгаре сирень..
Встреча
Поздно!
Опасность почуяла кобра инстинктом:
чёрным ручьём
своё тело взметнула стремглав
и, угодив в раскалённые рёбра цилиндра,
зло зашипела.
И падаю, не удержав
руль мотоцикла...
Казалось паденье кошмаром,
сжался в комок я —
от боли беззвучно ору,
выбитый прочь
из седла мотоцикла
ударом —
в пыль на шоссе,
в неподвижно пустую жару...
Губы расклеил с трудом
и привстал удивлённо —
слишком чужим
показался мне собственный стон.
Тупо глядел,
как в дорожной пыли

обречённо
билась змея,
и желал,
чтобы это был сон...
И в забвенье
всё мне думалось о невозможном:
наши пути со змеей никогда б не сошлись,
если бы знать...
Ведь легко было где-нибудь
в прошлом
чуть задержаться —
на метр,
на мгновенье...
На жизнь.

1986 г.

***** Всё так привычно и знакомо**

Всё так привычно и знакомо:
и огород, и сад, и луг...
Печален вид пустого дома.
Вот окружила ржавый плуг
высоких трав лихая зелень -
совсем отвыкла от руки...
Вхожу, пригнувшись низко, в сени -
осели в доме потолки,
а всё хранит зарубки дверь
о том, как подрастал когда-то...
Всех тех, кто рождены здесь, хата
не поместила бы теперь.
Но то, что в ней прошло уже,
что не сбылось и что свершилось,
каким-то чудом поместилось
в моей душе, в моей душе...

***** Взор твой нежностью неуголённой горит**

Ш. Л.

«...в темноте светилась
И медленно клонилаь нагота»
А. Тарковский

Взор твой нежностью неуголённой горит,
в темноте не темно нам вдвоём,
словно светлой твоею душой изнутри
озаряется тело твоё.

Этот свет не погаснет ни здесь и ни там,
где ни страсть не терзает, ни боль,
где ни горьким словам, ни горячим слезам
не оставила места любовь.

2006 г.

***** Взглядам и словам моим внимала**

Взглядам и словам моим внимала
трепетно, с восторгом молодым,
с пылкостью доверчивой считала
ты меня учителем своим,
так свежо, так искренне любя...
А друзья смотрели на тебя
и улыбки прятали устало:
ты ребёнка им напоминала...

Но тогда ещё не знал никто,
что своей неопытностью милой,
ты меня, не ведая про то,
самой зрелой нежности учила...

Грёзы

Мне вновь приснился особняк старинный
и у камина – Афанасий Фет.
Моя душа была его душе созвучна
так, будто мы из одного истока
пытались утолять стихами жажду
познания ответов сокровенных,
хранящих смысл заветный бытия,
причины зримых форм и чувств незримых.
И чудилось, что Фет безмолвно строки
порой подсказывал мне для моих стихов...
Вдруг плоское настенное зеркало,
волнообразно вздрогнув, превратилось
в какое-то зеркальное пространство,
так странно отражавшее собою
не только тел поверхности двухмерные,
но и движенья мыслей, чувств, времён,
материальный мир и мир духовный...
Беззвучно треснул тот объём зеркальный,
пространство-время преломилось будто!
И рядом с Фетом появился Фауст, –
не оттого ль, что даже в снах невольно
я удивился схожести их судеб?

2007 г.

Горела страстью ты неутомимо...

Горела страстью ты неутомимо
в пространство ночи, проходящей мимо.
И трепетно послушный воск свечи
разматывало время на лучи,
разматывало тьму горящей плоти
на взор твой, остывающий в полёте,

на слёзы, на улыбки, на слова...
в грядущее, где лишь душа жива.

Гроза в степи
Безоблачный день
обернулся такою грозою,
что вдруг потемневший простор,
беспредельный, степной,
душе показался
тесней оболочки телесной,
и огненно лопалось небо,
и мнилось порой,
что в мир наш земной
прорывается адская бездна!..
А после грозы
брёл я к дому, как в солнечном сне,
и птицы свистели,
и травы цвели повсеместно,
и не было туч надо мною,
но чудились мне
багровые шрамы от молний
на лике небесном...

До бесконечности...

Очнувшись от мира формул
и видя перед собою
цветную зарю растворов,
не вдруг разбирал порою,
темнело или светало...
Свой взор поднимал устало
на звёздные стёкла окон,
и виденное под микроскопом
память моя нелепо
накладывала на небо.

И в бездне его утробной,
единый признав характер,
сливались, пружиноподобны,
миры ДНК и галактик,
светил и молекул сонмы...
А в поле их гравитации –
чувств моих невесомость:
нечего опасаться им!
Я радовался, как ребёнок,
в мыслях своих сходу
из облаков–пелёнок
вырвавшись на свободу,
где притяженьем не связан,
дерзко и вдохновенно
рвал и связывал разум
тугие узлы Вселенной!
Разумом тайну гармонии мира пытаюсь раскрыть,
словно игрушку, ломал я материю всеу
до бесконечности...
Как же обратно сложить
сущность свою и природу, как цельность живую?
1988 г.

Двойники

«Стояла между нами, как на страже,
слоистая и твёрдая вода».
А. Тарковский

1

Мой взор к озёрной плоскости приник...
Я знаю: это лишь лучей игра,
и всё же не могу не замирать,
всё пристальней вникая в свой же лик,
глядящий на меня, как на мираж.
И там, и здесь – покой и тишина.

Но резко дунул ветер ледяной –
и пробежала по воде волна,
и задрожал двойник бездушный мой.
Но если плоть моя чужда ему
и лишь оптически он с нею схож,
то почему по телу моему
волнообразно пробежала дрожь?

2

Так напряжённо молчалива
замёрзшая зеркальность вод,
так чётко отраженье ивы
впечатано в глубокий лёд,
так зрима связь миражных веток
с ветвями явного куста,
что чудится: качнётся верба –
и треснет этих вод хрусталь!

2001 г.

Долгий мёд

Сквозь добела промёрзшее стекло
с проталинкой, дыханьем отогретой,
я вспоминаю тихое тепло,
неспешное соломенное лето.

Ресницами ловлю пушистый свет.
В саду от зелени и солнца тесно.
Всему вокруг меня — двенадцать лет,
а сколько было раньше — неизвестно...

А сколько будет — трудно сосчитать!
Ведь стоит подрасти мне и, поверьте,
уже не нужно будет умирать:
учёные должны открыть бессмертие.

Так думаю, влюблённый в новизну

степного дня — его опять мне мало,—
я радостно сопротивляюсь сну
и так боюсь, чтоб солнце не проспало.

А утром выбегаю в огород,
там бабушка стоит под косогором
над грядкой и в негромкое ведро
бросает огурцы и помидоры.

Ещё совсем не грустно рвать цветы,
не думая, как лето скоротечно.
Ещё всё то, что очень любишь ты,
пока светло, незыблемо и вечно.

Спешу я мимо пасеки во двор.
Ворчит пчела сердитая вдогонку.
Серьёзен и неспешен разговор
соседа с дедом — крутят медогонку.

И, как сквозь линзу, глядя сквозь стекло
прозрачного и медленного мёда,
я вижу, что пространство потекло,
что зыбко преломилась в нём природа...

И, далеко прозрев сквозь долгий мёд,
осознаю, глазам своим поверя,
как неизбежно движется вперёд
случайно увеличенное время...

1983 г.

Дорога жизни

Без передышки
зенитки работать устали.
Небо над Ладогой низко:
вот-вот упадёт, —

отяжелело от дыма,
от грохота стали...
Вьюга бинтует
от крови дымящийся лёд.

Снег на дороге обуглен
и пахнет горелым.
Мост ледяной
от снарядов трещит, как броня,
но переправу
наводит мороз под обстрелом, —
сжечь этот путь
у фашистов не хватит огня!

Рокот машин...
У водителей серые лица.
Сон и реальность
до рези смешались в глазах.
Взрыв.
Недолёт...
Перелёт...
А дорога всё длится,
так изнуряя,
что сил не хватает на страх.

В город — снаряды и хлеб,
а из города — дети
и старики...
Там, за лесом спасение.
Но...
взрывы вокруг вырастают
деревьями смерти,
берег, что рядом,
под бомбами дальше, чем дно...

Вырваться трудно

из тёмных бурлящих воронок,
цепко хватаясь за руки,
за льдины,
за крик!..

Выйдя на берег,
заплакал старик,
как ребёнок,
глядя ребёнка,
который стал сед,
как старик...

1984 г.

Дыхание вселенной

Проводы, встречи,
работа, поминки, банкеты...
Мчится вперёд этот быт,
сотворённый людьми,
и отлетают года,
как ступени ракеты,
в прошлое, в детство,
где прочным казался мне мир.
Ну, а теперь
моё сердце не верит покою,
слыша, как дышит
Вселенной основа сама, —
каждую микрочастицею,
каждой звездой:
выдох —
 сияние света,
а вдох —
 это тьма,
что у людей называется
чёрной дырою,
в недрах которой

рождается вспышка сверхновой, –
и повторится
горение звёздное снова,
и перед этим дыханьем
пылинкой простою
кажется наша Земля,
и мгновеньем – эпоха...
Но и звезда доживёт
до последнего вздоха,
И до последнего вздоха,
подвластно движенью,
тело моё
в море жизненном будет кружить:
времени волны
несут его к смертному тлению,
но обтекают
бессмертное тело души.

2004 г.

Жажда

И кузнечиков поскрип стеклянный,
и въедливый зной;
и горячей золой —
зыбкий прах под ногою босой;
и молочная желчь молочая,
и силы — на убыль;
и пустая тропинка ручья,
что потрескалась больно, как губы;
и лучами планету
сосущее жадно светило,
и за ним —
бесконечность пространства... —
Все это вместила,
как препятствие злое,
дорога с безводной длиной

между жаждой моей
и колодцем с водой ледяной.

Желтые шторы

Я не люблю погоды мглистой,
но лучших дней дождусь не скоро...
А вот в твоей квартире чистой
такие солнечные шторы!
Темнеет...
А ещё не поздно...
Дожди над городом нависли.
И я, на улице промёрзнув,
опять ловлю себя на мысли,
что хочется к тебе вернуться
из этой слякоти осенней,
взглянуть на шторы —
обмануться
и благодарно улыбнуться,
поверя в солнце...
на мгновенье...

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК

(поэма)

Памяти Василия Лебедева

"И тогда пришла грамота с благословением
от преподобного Сергия, от святого старца;
в ней же было написано... "Чтобы ты, господин,
так и пошёл, а поможет тебе Бог и Святая
Богородица".

Летописная повесть о Куликовской битве

1.К ДОНУ

Мирный простор... Мотоцикла горячее рвенье —
неудержимо меня в глубь России несёт.
А из Коломны — в другом временном измеренье —
Дмитрий великий туда же дружины ведёт.

Если бы в прошлое мне — то на несколько дней
рать обогнал бы я. Конь из железа таков:
к месту домчится быстрее чистокровных коней!
Не опоздал бы я к битве — на много веков.

Русские рати — ручьями, речушками, реками —
в грозное море у тихого Дона сольются.
Хищные птицы летят неотступно за предками,
горе пророчат... И многим домой не вернуться.

Ночи всё глуше, чем ближе к Непрядве и к бою,
сны всё яснее — в них Радонеж, Суздаль и Киев...
Сонные травы блестят нестерпимой росой —
и в забытьи князю чудится взор Евдокии...

Сжаты, как сердце, любимые сердцем просторы:
спереди — злые, железные ветры степей,
сзади — немые и беззащитные взоры,
сабель ордынских и яростных копий больней!

2. НОЧЬ НА БЕРЕГУ НЕПРЯДВЫ

Комбайн рокочет где-то за жнивьем.
Пасётся лошадь рядом с мотоциклом —
к машинам всяким, видимо, привыкла,
задумчиво вздыхает о своём.
Костёр. Палатка. Лунное раздолье.
И как-то всё не верится, что рядом
не просто поле — Куликово поле,
не просто речка, а река Непрядва.
Не верится...

Куда ни кинешь взгляд,
едина среднерусская земля
от гор-холмов

до холмика любого.

Куда ни глянь — несметные поля,
похожие на поле Куликово.
Пройди из края в край,
из века в век —
откроются душе твоей и взгляду
напевные теченья русских рек,
похожих, словно сёстры, на Непрядву.
Взволнованно доверившись тебе,
они напомнят о родстве с народом,
споют о нас, поведав о себе:
о том,
что с каждым годом
и заводом
всё меньше в них исконной глубины,
что многие их родники забыты,
и горьки воды, и замутнены,
полны железа,
словно после битвы...

3. В МУЗЕЕ

Поле.
Автостоянка.
И пахнут бензином цветы.
Помертвела трава, что к асфальту вплотную
приникла,
но дрожат, как живые, её стебельки и листья —
их колышет угар распалённого мной
мотоцикла.
"Жигули". "Москвичи". И автобус один —
"Интурист".
От настырного зноя собравшимся тесно и шумно.

В эту белую церковь войду —
в этот свет, изнутри
высоко и прохладно рассеявший каменный
сумрак.
И прозрю времена...
Здесь столетье вмещает минута
летописных свидетельств, кольчуг и хоругвий
полна
в инфантильный наш век здесь хранятся
по-старчески мудро
сокровенные книги —
редчайшие, как тишина...
И невольно в себе тишину эту сердцем нарушу я:
вот копьё, вот мечи, что на дело кровавое кованы!
Под музейным стеклом ("Не убий" — вспоминаю)
— оружие,
— а на стенах — спасённые оным металлом —
иконы...
Князь ни силой,
ни ростом,
ни духом своим
не был мал,—
и в подкупольный свет упирается памятник
Дмитрию.
В зыбком воздухе меч, напряжённо зажатый,
дрожал,
будто ведаёт князь нашу жизнь неуверенно
мирную...

4. ИЗМЕНА

Земли наши кострами объяты.
Рекам жарко — туманно дымятся...
Травы наши врагами измяты —
пахнут потом и жареным мясом.

Воздух шумом крикливым наполнен,
и, поспешно сгущающий краски,
этот вечер мне кажется полднем
рядом с полночью глаз басурманских.

Вот послы из Литвы и Рязани,
их встречают надменно и важно.
В этом хищном Мамаевом стане
видеть русских и странно, и страшно.

Вслед им взгляды — усмешливы, липки,
и при трапезном зное костров
капли жира, сползая с улыбки,
леденяще похожи на кровь.

О, дождётесь вы гнева Отчизны —
за безмерность беды на Руси,
за размерность дарованных жизнью
от земли — до тележной оси.

Загляну —
как в бездонную пропасть,
в эту бездну пылающих лет,
что от бед заслоняли Европу...
Но насильно замедленный свет

восходящего духа России
разгорался и всё-таки дожил
от надежды — до сбывшейся силы,
от Каялы и Калки — до Вожи.

... Ночь холодная.

Угли сгорели.

Хан торопит посольство в дорогу:
пусть Ольгерд и Олег поскорее
выступают орде на подмогу.

И задымлен простор, и невесел:
не свои, а чужие владенья...
По-монгольски прищурился месяц:
будут, мол, пресмыкаться, как тени,

ваши будущие поколения,
лишь бы с вами расправиться грозно:
земли русские — на удельные
изрубить, обеспамятить...
Поздно!

Не дожётся Мамай подкреплений —
время князь по-пустому не тратит:
все пути и дороги измене
перекрыли московские рати.

5. ТЕНИ

В туристской группе школьников заметив,
экскурсовод, помедлив, продолжала:
"И отроки — на современном — дети
сражались... Их погибло здесь немало..."
Родители взглянули на подростков
так пристально, как будто бы впервые
на этом поле, горестном и грозном,
увидели детей своих — живые!
И вдруг, её рассказу внемля зорко,
доверчиво на мир синевя взглядом,
так тихо, но так искренно и горько
мальчишка лет пяти заплакал рядом.
Стесняясь слёз, закусывая губы,
он отвернулся от отцовской ласки,
и тут отец сказал ему: "Вот глупый!
Ведь это всё неправда, это — сказки!"
На миг невольно группа вся застыла,

рассказчица, нахмурясь, промолчала.
И только поле сухо возразило,
колосьями печально покачало.
А он кивнул растерянной жене
и мальчика повёл к своей "Победе",
ворча уныло: "И кафе тут нет...
а всё ведь ты — Заедем да заедем!"

Как тяжек зной!
Гроза, как видно, будет...
Вот первые дождевики пыль прибили.
И тут, очнувшись, заспешили люди
укрыться по своим автомобилям,
бодрясь, вздыхая, ёжась со смешком...
Да, все ль из нас теперь по доброй воле
спешили б на коне или пешком
на тесное перед сраженьем поле?
Но то, что свято, то навеки свято.
Наследственная память всюду с нами,
тьмой до поры душа объята чья-то,
как плёнка, что хранит о свете память
в кромешном мраке фотоаппарата.
И явственно под фотовспышки молний
всё рисовало мне воображенье:
как выезжает Дмитрий — слово молвить,
как замерли полки перед сраженьем;
как по-холуйски жаждут ханской ласки,
склоняя перед нечистой колени,
Ольгерд Ягайло и Олег Рязанский,
в грядущее отбрасывая тени
от княжеств, от дворов своих удельных,—
и больно режут лезвия теней
объёмно-временную беспредельность
просторов трудных Родины моей
на замкнутые плоскости семей,
лишённых ощущения корней...

Кто видит только тьму со всех сторон
в былом — себя и с будущим не свяжет:
куда страшной раздробленности княжеств
удельная раздробленность времён!
Россия, Русь — единая страна,
в одном пространстве лет её растили:
как плоть от плоти — колос от зерна,
так плоть от плоти — от Руси РОССИЯ.

6. В ПОЛЕ

На этом поле мирный зной тревожен,
когда
из-за лесов, холмов, столетий
прорвётся вдруг такой горячий ветер,
что колкий холодок бежит по коже.
И помня день, от ливня стрел дремуч,
доныне солнце при набеге туч
бледнеет так,
что на луну похоже...
Былинной битвы я ищу приметы:
там был Засадный полк,
а там — Большой...
И мнится:
мир стремится в век иной,
как при обратном ходе киноленты, —
листвою поредевшие деревья
свой рост поспешно обратили вспять,
исчезнув,
поднимаются опять,
шумят на языке густом и древнем.
А с высоты — без края и конца —
увиделась планета, как живая:
в движение пришла кора земная,
напоминая мимику лица,

то радость выражая, то страданье...

Всё круче Красный холм —

он был таким!

И вновь живые строятся полки,
пришедшие на это поле брани.

Стоп-кадр!

И я замру, и онемею.

Стоп, кадр!

Но в рясу чёрную одет,

так долго...

долго...

долго Пересвет

навстречу выезжает Челубею!

Замолкли птицы, звери и дубравы...

И да продлится тишины той миг,

чтоб человек расслышал и постиг,

о чём сейчас беззвучно плачут травы,

и помолился этому безмолвью,

вместившему всю жизнь минувших лет...

Но...

мчится Пересвет...

и кровь смешалась с кровью!

Земля — с землёй,

орда — с рядами русских,

с телами — стрелы,

с копьями — тела...

А тьмы врагов — без края и числа —

на тёмных лошадях, в доспехах тусклых,

стремлением к победе скорой полны,

хотят ряды прорвать наверняка!

Но русский полк, — что светлая река,

и лишь пошли по ней стальные волны

от злого ураганного порыва...

Вступают основные силы в бой!

Гоня смятенный воздух пред собой

и свет тесня, летит нетерпеливо,

как тень от тучи, конница Мамая,
взметнув ущербно-лунные клинки.
А ей навстречу — русские полки,
мечами сокрушительно сверкая,
доспехами — из солнца и железа...
За первым, устремившимся вперёд,
зари своей второе солнце ждёт:
Засадный полк —

в тиши зелёной леса.

Отсюда видно:

рубятся жестоко,
лавинную удерживая рать,
и было б легче в поле умирать,
чем тут, в засаде, сдерживать до срока
самих себя...

Как губы занемели! —

В дубраве чуткой места нет словам
и мирно пчёл жужжание...

А там,

как реки, наши рати обмелели,
и небольшая утром речка Смолка
выходит днём из тихих берегов
от шумной крови русских
и врагов,

что верх уже берут...

Но вот надолго ль?

В открытом поле зрима наша сила,
дружины за дубравой не видны,
лишь в гневных небесах отражены,
как явленное чудо, — два светила!
Изнемогая, бьётся полк Большой,
и с места он не сдвинется, редая:
коль умирать — так стоя, как деревья,
корнями породнённые с землёй...

7. НОЧЬ ПОСЛЕ БИТВЫ

Нарушить безмолвие прошлых лет
в поле некому,
но не унять в себе, в земле
память молекул:
перерастёт она —
до темноты ночной лишь душой дотронься —
в запах листвы, звёздность воды,
шёпот колосьев...

В атоме каждом пересеклись
мгновение — с веком,
вечная юность Вселенной и жизнь
наших предков.
Иду по траве, в забвенье не веря:
как ни странно,
с былым разлучает нас только время,
а пространство

дано одно и предкам, и мне —
как доля...
Забыв о времени,
как во сне,
брожу средь поля.

Будто ищу
раненых, чтобы помочь,
и убитых...
Ищу
в двести двадцать тысяч
семьсот тридцать
ПЕРВУЮ НОЧЬ
после битвы.

8. ЗАСАДНЫЙ ПОЛК

Зарёй насквозь пропитан сумрак росный.
Звездой насквозь пробита высота.
Над церковью бледнеет месяц острый,
попавший в перекрестие креста.
Слились в одном пространстве времена,
непостижимо всё смешалось вместе:
и лязг мечей, и гром, и тишина,
и стоны, и транзисторные песни.
По-всякому звучит ночной эфир:
то чисто, то надрывно и трескуче...
Вот сообщают мне, что чей-то мир
в сравнении с моим намного лучше.
Ну что тут понапрасну говорить,
что где-то жизнь сытнее и красивей?
А голод мой ничем не утолить:
безмерный,
как душа и как Россия.
Видать, с рожденья русский дух таков,
что быть ему вовек неутолимым
водою рек,
 что выше облаков,
волненьем трав и нив,
 что так любимы...
И петь они учили, и молчать,
то задушевно ласковы, то бурны;
учили с детства чутко отличать
народную — от массовой культуры,
которая в нас голос предков глушит,
летит к нам вороньём со всех сторон
по нашу память и по наши души,
чтоб исподволь их увести в полон!
Но чуждые по духу чьи-то ритмы
не стали мне роднее русских песен,
сердечный их простор,
 как поле битвы,
для недругов да будет вечно тесен!

Для тех, кто сеет свой эфирный сор
над полем брани — полем нашей жизни,
издалека заводит разговор
о русских,
о судьбе моей Отчизны.
И мне на языке моём родном,
таком живом для сердца и для слуха,
внушают,
что народ мой был рабом,
что у него бедны истоки духа.
Не причастившись к духу,
зря стремитесь
так жадно причаститься к русской речи —
безродный лепет
князь великий Дмитрий
не разобрал бы в той жестокой сече,
душой и сердцем беззаветно внемля
лишь тем — кто речь родную полюбил
не меньше, чем свою родную землю.
Им ведомо, какая сила в слове,
когда в руках уже так мало сил,
когда мечи
 раскалены
 до крови...
Как скользко!
Но нельзя не устоять.
Всё яростней огонь святой обиды
за то — что вынуждают убивать,
за дикую нелепость — быть убитым.
Клинки так тяжелы и так легко
из плоти высекают кровь, как пламя.
И вот уже так много полегло,
всхолмило поле павшими телами.
И вот уже — пронзительней клинка —
победный визг татар над полем боя! —
И воины Засадного полка

глядят на воевод своих с мольбою:
всё неумней мысль, что вышел срок...
Но, повторяя жест суровый свой,
на ропот зорко хмурится Боброк,
и, побледнев, замолк Серпуховской.
И снова мята пахнет бесконечно —
для многих навсегда уж не завянет...
Как это ожиданье бессердечно —
сердца давно, давно на поле брани!
Как нестерпим бескровный цвет берёз,
как воеводы сдержанны и жёстки...
А там, уже не сдерживая слёз,
с врагами насмерть рубятся подростки!
Так не пора ли в бой, богатыри?
Своих, родных, погублено изрядно:
среди бела дня, как будто от зари,
уже красны и Смолка, и Непрядва.
Уже вокруг поганые одни,
уже победа грезится татарам,
но тем безумней побегут они,
застигнуты врасплох таким ударом,
что даже не успеет снять шатра
Мамай, спасаясь бегством...
Миг настанет —
и с Красного холма навечно страх
поспешно унесёт он —
 вместо дани!
А там,
 татарам вслед,
 за рядом ряд
Засадный полк нещадно устремится,
и в сумерках погоню озарят
от гнева пламенеющие лица!
"За Русь!" —
 победно вознесётся зов
над полем брани,

множа нашу силу,
и, отразившись эхом от веков
грядущих,
отзовётся:

"За Россию!.."

Увижу я:

конца дружинам нет,
и так несметно их,
и подвиг ратный
продолжится на много вёрст

и лет,

во времени-пространстве необъятный,
в горении своём победоносном,
во всём своём неповторимом блеске.
В рядах: Пожарский, Минин, Ломоносов,
Суворов, Пушкин, Тютчев, Достоевский,
Кутузов, Васнецов, Лесков, Толстой...—
развёрстывают время год за годом,
как славой, как единою судьбой,
так тесно окружённые народом,
что в РАТИ той соРАТНИКОВ не счесть,
что были, есть и непременно будут,
ворвутся в битву — и возгрянет весть
о праведной победе нашей...

Всюду —

все дни и поколенья напролёт
и зримо, и незримо бой идёт...

Держитесь твёрдо, русичи!

За нами —

Могучий полк
сигнала зорко ждёт,
неистребим,

как русский дух и память.

1992 г.

Земное притяжение

«Открылась бездна звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна»

М. В. Ломоносов

Лежал в траве. Дремала мысль.
А сердцу вспоминалось детство,
когда в ночную эту высь
не мог подолгу наглядеться.
Пред нею страха я не знал:
мой взор на звёзды опирался.
Теперь опору он искал
во тьме межзвёздного пространства.
Но в том пространстве внеземном
бездонно было и безбрежно,
и меж реальностью и сном
я забывался безмятежно.
Цветы склонялись надо мной,
речные струи нежно пели,
и сладко грезились порой:
лежу я в детской колыбели.
Но, вглядываясь в звёздный мир,
внезапно ощутил смятенье:
а вдруг покинет хоть на миг
меня земное притяженье?
Тогда я полечу стремглав
вот в этот космос без предела,
и не удержат стебли трав
Землём отвергнутое тело.
Не может быть такого, нет!
Всё это – бред воображенья.
Вовек незыблем для планет
закон всемирный притяженья!
И вдруг услышала душа
небесный глас, звучавший строго
«А разве ты не нарушал
священных заповедей Бога?»

В греховной самости своей
забыл, влекомый плотской жадой:
духовный центр Вселенной всей
хранится в человеке каждом.
И, если б каждый человек
отверг паденье в бездну ада,
то, с Божьей помощью, вовек
сей мир не ведал бы распада.
Но разобщенье душ людских
тревожные рождает знаки:
от сотрясения недр земных —
до разбегания галактик.
Оправдываешь лень в себе
свободой волеизъявления,
а почему бы и Земле
не отдохнуть от притяженья?
Тебя держащая, она
от грешных дел твоих устала,
но никогда не знала сна,
отдохновения не знала».
Замолк в душе звучавший глас...
А с высоты подобьем острым
зубов, нацеленных на нас,
сверкали в пасти бездны звёзды.
Не по себе вдруг стало мне.
Цепляясь за траву руками,
к родимой матушке-Земле
прижался я, как в детстве к маме.
И, отвернувшись от лица
космической вселенской стужи,
я верил, что закон Творца
Земля святая не нарушит.

2002 г.

Зеркало

Явный мир перемешался с бредом...
Как подушка, эта ночь влажна:
полня мир своим холодным светом,
ярко испаряется луна.
А на сердце знойно, как в пустыне,
и, забывшись, я иду туда,
где перед окном призывно стынет
зеркала глубокая вода.
Говорят, что в эту ночь возможно
в нём судьбу узреть наверняка:
в зеркало, как в пропасть, осторожно
загляну, увижу старика...
Вдруг – как будто в спину холод дунул –
и бесстрастно, словно мёртвый лик,
заглянул в окно осколок лунный...
Иль обломок будущий Земли?..

1988 г.

Зерно

Господи! Грешен, прости...
Слабость душой овладела:
сил не хватает расти
светом – сквозь страстное тело.

Зёрнышком сохнет душа
в почве бесплодной, как камень,
и, воспалённо дыша,
плоть орошает слезами.

Но никакое зерно
плачем своим не спасётся,
помощи просит оно

и у дождя, и у солнца...

Боже! Сквозь пекло земли
в почве и глине телесной
жажду зерна утоли
светлой водою небесной.

1993 г.

Зерно

В глазах от бликов солнечных темно.
Колхозный ток.
Бежим гурьбой к машинам.
И льётся с элеватора зерно,
по загорелым скатываясь спицам.
Последний кузов нагрузить осталось,
а горло жажда жжёт,
и сквозь усталость
мне слышатся прохладные ключи —
то жаворонок песнею журчит...
И долгий день, жарою изнузив,
запрятав солнце в закрома зари,
ведёт меня
к дымящейся реке,
где пыль смываю с тела с наслажденьем —
и вновь живу желанием движенья,
не чувствуя мозолей на руке...

Игра

Там, где с прошлой войны
Уцелели траншеи и доты,
От травы, от кустов
И от времени тесны и узки, —
Далеко от села

Под нестрогим присмотром природы
Мы играли "в войну" ...
Шли в атаку...
Ползли по-пластунски...
Повторенная эхом команда:
"Оружие к бою!" —
Увлекала мальчишек...
Игра дотемна не кончалась.
И девчонка Аня
Была "медицинской сестрою":
"Два вершка" от земли,
А полнеба в глазах умещалось.
...Наступали,
Была оборона "противника" прорвана,
Аня бросилась к "раненым",
Весело ждущим "подмоги",
Но, в бурьяне с войны затаившись,
Колочая проволока
С неубитою злобой
Рвануло зубасто за ноги!
Настоящие раны
Поспешно бинтами обматывая,
Дул нелепо на кровь,
Обжигаясь как будто...
Было душно и страшно,
И я все твердил виновато:
"Потерпи, потерпи,
Потерпи еще малость, Анятка".
Перепаханный кровью,
При всех, не стесняясь, я плакал,
Деревянные ружья
Хватал, и ломал, и бросал!
Все молчали вокруг,
Даже Ленька – заядлый "войка",
Самый сильный из нас,
Ничего мне тогда не сказал.

С треском в жалкие щепки
Разнес я лихие игрушки,
Ненавидя любое оружие в эту минуту!
И тогда, безоружны,
Мы сцепили свободные руки
И на них понесли осторожно
В деревню Анюту...

Идеал

Моей жене

Евгении
Ты прятала свой взор печальный,
когда соперничал с тобой
недостижимо идеальный
твой образ, что был создан мной.

И с ним ты спорить уставала,
и бунтовала, как могла,
ломала рамки идеала:
нежней, чем идеал, была,

скромнее, женственной, милее,
светлей душою и лицом, —
и я влюблялся всё сильнее
в твой образ, созданный Творцом...

2006 г.

Искушение

«...не Москва ль за нами?»

М. Лермонтов

«О, Господи, разверзни, расточи,
пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока»
М. Волошин

Нашествие на Русь я вижу снова:

Москва врагам сдана без боя... Но —
всегда за нами поле Куликово
и Прохоровка, и Бородино.
За нами — наши реки, рощи, нивы,
вся жизнь тысячелетняя страны, —
так что же мы с терпением трусливым
долдоним: «Лишь бы не было войны»?
И всё больней мне грезится порою,
что сквозь бинты туманов, сквозь года
поля, за нас красневшие от крови,
теперь за нас краснеют от стыда:
тела спасаем, духом обессилив...
О, Господи, позорный мир нарушь,
пошли войну духовную России —
во искупленье и спасенье душ.

2004 г.

Каждый миг впереди...

Каждый миг впереди —
в неизвестное дверь...
Вопрошаю себя:
«Что есть жизнь?
Что есть смерть?»
А земной этот мир,
тайну слепо храня,
от непрошенных дум
отвлекает меня:
свистом птиц, лаской трав,
сладкозвучием пчёл...
Снизу греет земля,
сверху солнце печёт.
Прыгну в небо реки,
знойным полднем томим,
невесомо сольюсь
с отраженьем своим.

В тот же миг обожжёт
мысль,
прозреньем слепя:
жизнь —
падение в мир,
смерть —
падение в себя.

1997 г.

Каждое слово, число...

«Возлюби ближнего твоего,
как самого себя»
Еван., от МФ. 22,39

Каждое слово, число —
не случайность пустая...
Может быть, нуль —
средоточие множеств, исток
судеб людских
с вероятностью ада и рая...
Как единица,
до Евы Адам одинок.

С ней поделившийся плотью,
он делит беспечность,
райскую радость
безгорестного жития...
Но первородным грехом
разбивается Вечность —
неудержимо
осколки летят бытия!

Делится мир
на тепло в нашей жизни и стужу,
снежность небес,
безнебесность заснеженных рек;

тяжкий уран
сам себя излучает наружу,
рвётся из тела —
в свою неделимость вовек.

Слово одно — человек —
отражает любого,
жить продолжая
в единственном только числе,
но одиноким
и многовещающим словом
все, как один, сочтены
на земле и в земле.

Может быть, просто
единая сущность дробится,
и — словно ток
через каждую жизнь проходя,
как в зеркала,
я смотрю в эти разные лица —
множество лиц
моего многомерного Я?..

Цельность утратив,
в зеркальных пространствах блуждаю,
умиллионенный временем
образ Того,
в Ком полноту бытия
для души обретаю,
в ближнем своём
узнавая себя самого.

Курское солнце

Моя степная родина!
Дорожный гул столбов,

луга за ними — в родинках
обветренных цветов.

Моя земля исконная,
где редок тени дар,
где, курским солнцем кованный,
был крепок мой загар.

Учила степь ходить меня,
и в жизни до сих пор,
к просторам тем любовь храня,
я не ищущ опор.

Единственной и твёрдою,
зовущею в поля,
да будет мне опорой
российская земля!

Магнит

Земная жизнь в реке бурлящей быта
страшится заблудиться и пропасть.
Два берега – два полюса магнита,
а между ними – двойственная власть.

Но, различая сердцем притяженье,
в ту сторону рванусь я, что светла, –
и в тот же миг во мне придут в движенье
заряды света, тьмы, добра и зла,

стремясь меж полюсами-берегами
мою двойную сущность разорвать!
Один из берегов объят грехами,
а на другой нисходит благодать.

И я мечусь посередине где-то,

безмолвный крик на части рвёт меня:
передо мной – святое царство Света,
за мною – царство боли и огня.

О, Господи, дай силы быть единым,
живя в миру двухполюсном, двойном.
Я лишь сосуд – сосуд из хрупкой глины,
наполни Словом, чтоб войти в Твой дом.

1993 г.

Между

I

О, Господи, прости меня, прости
тьму прегрешений нынешних и прежних
в моём невольном жизненном пути,
в борьбе стремлений внутренних и внешних,
когда к душе то свет, то тьма прихлынет,
когда поэт — то праведник, то грешник...
Ужель покой живёт посередине?

II

На Земле вперемешку
ад и рай. А покой?
Может, он где-то между —
между светом и тьмой?

Зря питаю надежду:
сердце чует, что нет
равнодушного «между» —
только тьма, или свет.

Мне снова снится: мы — на пляже,
Мне снова снится: мы — на пляже,
и на жаре прохладно-влажен
зной поцелуя твоего...

В морозном доме — никого.
Лишь солнышко сквозь стёкла окон
глядит в мою светёлку робко
и тянет с холода к печи
свои озябшие лучи.

Морозное утро

Морозным утром выйду на крыльцо.
Круг Солнца – эпицентр слепящей сини.
Задену ветку – и взорвётся иней,
колючей стужей обожжёт лицо!
Ну, вот и наступили холода,
и крепко воды до поры заснули.
Но вдруг напомнит грузный лёд сосулек
что есть в воде – тяжёлая вода:
в ней и в морозы лютый зной сокрыт –
энергия для бомбы водородной,
здесь, на Земле, частичке Солнца сродной
разгаром термоядерной жары...

2008 г.

Навстречу свету радостного дня

Навстречу свету радостного дня
по утренней заре,
 по сонным травам
я из ночного поспешу,
 направляя
в Ямскую степь весёлого коня.
Не время любоваться миром пёстрым,
отсчитывая медленные вёрсты,
скачу за километром километр,
хочу с движеньем бурным побрататься:
вокруг меня

водоворот пространства!
И я в водовороте этом - центр...

На землю сквозь космические дали...

На землю сквозь космические дали
светило солнце,
и холмы дрожали
сквозь вязкий воздух.
Сонно повисали
стрекозы в нём.
И лишь в речном течении
дробили струи зноя отраженье
на яркие прохладные осколки.
И в уши мне шептали травы колко
о соках,
скрытых
в глубине
земли...
Часы стояли.
А мгновенья шли...
И зрело время в коконе жары,
щая друзей и близких.
До поры.

На ладоге

Рыбацкий сейнер.

Полдень.

Лето.

И Ладога качает сонно
на гибких волнах щепки света,
изобразив крушенье солнца.
Биноклем мой продолжен взор...

Глазам прозревшим стало больно:
вот пристань, домики, забор,
полоска леса, колокольня.
А там,
за колокольной древней,
то ль облаков, то ль дыма клубы...
Как медленно растут деревья,
как быстро — заводские трубы!
И с каждым днём в палатах леса
всё реже лечат слух пичуги,
всё реже режут воду леской
лещи в серебряных кольчугах.
Труднее дышим год от года...
И да пойдёт нам разум впрок:
ведь человек — венец природы —
не роковой её венки!

На полевом стане

Утром нестерпимо тянет спать...
И, улыбки от меня скрывая,
мужики беседу затевают:
«Ну, а кем ты, Юра, хочешь стать?»
Ждут ответа. Молча мы лежим
на соломе полевого стана.
«Лётчиком, как дядя Коля, стану.
Он был сильным. Бабушка, скажи!»
Согласившись,
кончиком платка
бабушка слезинку утирает.
Разговор надолго затихает.
И мы все глядим на облака...
Представляю, как гудит мотор,
издаю рокочущие звуки
и, раскинув шире крылья-руки,
опрометью мчусь под косогор,

падаю, споткнувшись, в дебри трав...
Облака проходят ряд за рядом
и, моим нагруженные взглядом,
на чуть-чуть,
но тяжелее став,
на чуть-чуть,
но всё же потемней,
вдаль плывут, копя людские взоры...
Скоро-скоро огласит просторы
тихий звон задумчивых дождей...

На сквозняке

«Ни один учёный не мыслит формулами»

Альберт Эйнштейн

Лампа настольная.
Книги.
Сгущается вечер.
Комната-кубик.
Паркетом отмечено дно.
Шторы раздвинул —
повеяла холодом Вечность,
будто зима на дворе
и разбито окно.
Смысл бытия — в нашей жизни...
А смысл нашей смерти?..
Влажные пальцы на стеклах —
слабы и нелепы,—
чётко восьмёрку,
как знак бесконечности,
чертят...
Звёзды-мурашки,
покрывшие тёмное небо.
Вглубь и вокруг — бесконечность
и разума осмос
к истине той,
что понять до конца не дано:

ведь под ногами,
как этот зияющий космос,
так же бездонно
паркетов сияющих дно...
И навсегда
исчерпала наука
надежду
в веке двадцатом
замкнуться в конечном мирке,
жадный к познанию,
живу в наказание
между
мега-и микровселенными
на сквозняке...

* * * **Нам говорили, что бессмертна слава...**

Виктору Кингисеппу

Нам говорили, что бессмертна слава,
что был в борьбе своей он духом крепок,
что был казнён в лесу, а мне казалось —
на площади казнили Кингисеппа...
В толпе притихшей звуки остывали
и плача, и злорадства, и молений...
Не потому ль, что жить им оставалось
в его сознание несколько мгновений?
В сухих глазах нет страха — созерцанье...
И мысли не о славе на века —
о том, что до него той тучке дальней
теперь уж не доплыть наверняка,
о том, что для него не будет ночи
и что сейчас глядящая пугливо
та женщина в узорчатом платочке
печальна и некстати так красива...

1980 г.

Натюрморт

Не параллелями разделённые,
а толщиной стекла оконного,
голые ветки глядят на зелёные:
эти — в тепле, те — морозом скованы.

Разные в жизни у веток места,
хоть с одного и того же куста,

тем — холоднее, а этим — страшней:
в вазе с водой зеленеть без корней.

1986 г.

Начало

Как жадно ощущаются в сознании
живые капли медленных мгновений,
когда так неосознанно рождение,
а мир открыт и требует признаний
всё новых красок, запахов и звуков,
что вне тебя, но ты для них прозрачен,
и первым удивленьем обозначен
ты продолжаешь жить от стука к стуку
ещё нетронутого болью сердца.

Я помню: стены "свеже побелёны",
а за окном - заря листвы зелёной,
восторженно замеченная детством.
И чьи-то руки смугло солнцем пахли,
когда меня вдруг к небу приподняли -
и разлетелись вширь степные дали -
как дивно мир в пространство был распахнут!
И с тех мгновений, обретая силу,

я выросал - не по часам и дням,
а по лесам, по рекам и полям,
перераставшим для меня -
в Россию...

Наше поле

Землю бьёт огонь окрест.
Танк ползёт, петляя.
Перекрестие на крест
навожу, стреляю.

Рожь созревшая горит.
Горек запах хлеба.
И в открытый люк сквозит
жаркий сумрак неба.

Вышел весь боеприпас,
трудно спрыгнуть с башни,
некогда щекой припасть
к обожжённой пашне.

Добежать бы до леска,
припадая низко,
ни куста, ни бугорка,
до своих не близко,

далеко до блиндажа...
Сторона степная!
Ты — как русская душа:
без конца и края.

Воспитала широтой,
мирной, полевою,
а теперь невольно той
губишь широтою.

Колоски над головой
с визгом пули режут.
Где укрыться? За спиной
траков хищный скрежет!

...Стихло всё. Покой полей
погребально-ровен.
Вязко тонет муравей
в чьей-то капле крови.

Оборвался бурый след...
А вдали — криница,
хата, где спустя шесть лет
суждено родиться,

жить, досматривая сны
и отца, и деда —
от начала той войны
и до Дня Победы.

Небо как синяя птица

И снова — дорога, вагонный уют.
Включить нам приёмник, что ли?
Пусть музыка льётся, и пусть нам поют
о бале прощальном в школе.
Пусть радость кружится и с нею — печаль
в том вальсе,
а в такт по стали
колёса стучат, и дальняя даль
вальсирует с ближнею далью...
А мимо плывут и леса, и дома,
плывут города, деревни,
мелькают платформы и лиц кутерьма,
мелькают столбы, деревья...

Запомнить хотелось мне, если бы смог,
в такой быстротечной жизни
все эти деревья и каждый листок
из массы зелёных листьев.
И так бы хотелось мне в массе людей
всё меньше встречать незнакомых
и чувствовать волны несущихся дней,
как волны от истин искомых, —
к ним поезд мой мчится и сердце спешит,
торопится жизнь,
а над нами,
как синяя птица, небо летит
и — светится меж облаками!

1980 г.

Нож пустоты

Алине Мальцевой

Слышишь, мгновенья
бесстрастно идут, будто ходики?
Вторя им сердцем,
быть может, почувствуешь ты,
как нарезает
пространство и время на ломтики
непостижимый для разума
нож пустоты?

Видно, дано
этой краткою жизнью земною
с бездною рядом
домашние строить миры,
с кочки на кочку
скакать над болотом порою,
будто над Вечностью:
с мига — на миг

до поры...

2006 г.

Ночь в лесу

Мы, словно в лодке с парусом костра,
в ночи плывём неведомо куда.
Во тьме шумит листва или вода...
И нам ещё не близко до утра.

Над нами купол вечности бездонный —
дневных забот бессильны якоря,
пока вдруг чей-то голос удивлённый
не возвестит восторженно: «Заря!»

Орлик

Вода близка...
И сохнет в горле...
Бегу тропинкой луговой.
Старинный друг мой, речка Орлик,
вот мы и встретились с тобой!
Узнал!
И в камни затрезвонил,
озвучив радость,
пряча грусть...
Я наберу воды в ладони —
лицом надолго в них уткнусь...
Под плеск волны,
как прежде звонкой,
о времени припомню том,
когда я был ещё ребёнком,
когда ты не был ручейком...

В твоих глубинах рыбы жили,
качал стрекоз камыш седой,
и огольцы с тобой дружили,
да так,
что «не разлить водой»!

Я помню,
как рубили лозы
по берегам,
но мы тогда
не знали,
помогая взрослым,
что это для реки — беда...

С тех пор ничто не защищало
тебя от солнечных лучей,
и нам, и рыбам тесно стало,
а ты мелел, и всё сильнее...

Журчишь теперь,
на вид невзрачный...
Но вот,
прикрыв глаза,
опять
в твой голос вслушаюсь прозрачный —
и он печаль раскрутит вспять,
и в радость выльется мой стон!
Благодарю тебя за тон
неунывающий,
за то,
что, даже загрязнённый слишком,
хранишь ты голос прежний свой:
он так же чист,
как той порой,
когда я был ещё мальчишкой,

а ты —
ещё большой рекой...

Отдых на покосе

Затишье...

Духмяный и жаркий
над лугом колышется воздух.
Под тень мы уходим на отдых.
И вот задымились цыгарки.
Гляжу я на речку, на лозы,
а в памяти глаз утомлённых
волною густой и зелёной
трава набегаёт на косы.
Поодаль ложусь, у криницы,
глаза прикрываю рукою, —
хочу, успокоенный тьмою,
хотя бы на время забыться...
Но прямо у изголовья
машинкою швейной стрекочет
кузнечик, — старается очень:
как будто на фоне безмолвья
сейчас вышивает он луг,
весёлый и яркий —

на слух...

Память

Здесь,
в блиндаже,
и в зной земля — сырая.
Босые ноги стынут и колени.
Стуча зубами,
гильзы собирая,

воображаем ярко пыл сражений,
хотя мы рождены в другие годы...
Но память неизбывная природы,
храняемая в движенье, в звуке, в краске,
к прошедшему нас возвращает вновь, —
и ржавая вода течёт из каски
простреленной,
напоминая кровь...

Первое свидание
Крапивной, жгучею тропею.
через привычный с детства лаз
пробрались в старый сад с тобою,
от любопытных скрылись глаз.

Нарвал цветов каких-то ворох
и аромат букета нёс,
на каждый вздрагивая шорох,
стесняясь даже света звёзд.

Вдыхая губ девичьих спелость,
осилить робость был невмочь.
Тогда лишь смелость разгорелась,
когда совсем стемнела ночь.

Продлись навек, волшебный сумрак!
Но вот, с луною набекрень,
через плетень зари бесшумно
уже крадётся новый день.

Теперь его заметят скоро,
и тут же по округе всей
пойдут немолчно разговоры
овец, коров, гусей, людей...

Первый прыжок

На сон похожи голоса и лица...
Отталкиваясь от дрожащей тверди,
пересекаю зыбкую границу, —
и сразу же до жизни или смерти
мне остаётся меньше километра...
Я падаю,
лишаясь
веса
тела
в объёты ослепительного ветра,
и с ним лечу к планете ошалело,
и сердце замирает от разгона:
стремясь до точки мир уменьшить будто,
Земля кольцо сжимает горизонта,
а я —
кольцо сжимаю парашюта.
В нуле кольца —
вся жизнь моя,
которой
так хочется,
как прежде,
стать просторной
вот с этого протяжного усилья,
с рывка! —
И парашютный тяжкий горб мой
взрывается на купольные крылья!
...Перед землёю преклонив колени,
от счастья приземленья ног не чуя,
привычный мир, разорванный в паденье,
воссоздаю —
из света,
звука,
тени...
И в этот миг лишь одного хочу я:

вдали от споров, от желанья славы
гасить росой лица живое пламя,
да целовать дрожащими губами
заплаканные радостные травы...

1988 г.

Первый учитель

Мир ввысь и вширь тянулся, раздавался,
и я, пацан, однажды вслух подумал:
"Вот речка, лес... А я откуда взялся?"
Дед улыбнулся:

"Да нашли в саду мы..."

Я сад облазил свой, потом — чужие,
я ко всему старался приглядеться:
свистели птицы, бабочки кружили,
жужжали пчёлы.

Не было младенцев!..

Но начал замечать я, что порою
всё то, на чём задерживал вниманье,
на миг как будто становилось мною,
заполнив неожиданно сознание.
То гнулся я травинкою под ветром,
то ветром, гнушим травы, к речке мчался —
я ощущал себя и в том, и в этом,
а мир всё рос, в округу не вмещался!
И к деду в поле я спешил с вопросом:
"А небо, звёзды, целый мир откуда?
И не хитри — уже давно подросток я!"
Лишь кричал дед:

"Пристал... Да всё оттуда!"

1986 г.

Перед снегом

Невыносимо перегрето
бинтами стянутое тело!
Сырыми капельками света
окно в палате запотело.

А за окошком — сад больничный,
ограды чёрной кружева.
И старый сторож методично
всё колет гулкие дрова.

Ему погода — не помеха:
«Чтоб горячее печь была!»
А мне бы — снега, снега, снега,
мне б холода, а не тепла!

Но деда убедить не просто,
и оттепель — как на беду,
и, прочь отбрасывая простынь,
бреду по снегу лишь в бреду...

Но вот глаза опять открыты...
Слепяще-белые лучи...
Я слышу, как, сопя сердито,
старик хлопочет у печи.

И тут спрошу я облегчённо:
«Отец, ведь выпал снег, скажи!»
Он вскрикнет, будто удивлённо:
«Ну, парень, ты смотри-ка, жив!»

И, кашляя, вздохнёт серьёзно:
«С погодой нынче повезло.
Без снега б озимь-то помёрзла.
Под снегом выживет — тепло...

1985 г.

под музыку! —
и на убитых
брезгливо косились,
чистюли —
надменны
и гладко побриты,
и в форме шагали парадной,
огонь презирая и грохот,
и нервная дрожь автоматов
трясла их под песни и хохот, —
мол, дрогнут ряды этих русских
и будет атака удачна,
и голы по локоть их руки, —
мол, чтоб рукава не запачкать...
Сошлись!
Не узнать в рукопашной
«арийских» воинственных ликов:
пьянели от бравурных маршей,
трезвеют от боли и криков!
О лоске своей амуниции
в сумятице тесной забыли:
отчаянно каждый стремится
убить — чтоб его не убили...
А музыка дико играет!
Дымится и тлеет болото.
И, в липкой грязи умирая,
быть может, почувствовал кто-то,
безумно страдая впервые,
как смерть и нелепа, и вздорна,
как пахнут снега голубые
и как на планете просторно —
зачем же затеяли драку,
в Германии были бы живы...
Но рвутся другие в атаку,
чтоб русских отбросить к заливу!
Но яростно русские бились,

враги удивлялись их силе —
для них ведь незримыми были
те,
кто нерождёнными жили
в окопах под шквальным обстрелом,
в блокадных ночах неподвижных,
во взглядах и в клеточках тела
отцов
и в желании выжить;
все те,
кто с отцами постигли
и радость Победы, и раны,
все те,
кто с отцами погибли
и вечно теперь —
безымянны...
Об этих ровесниках мыслить
так странно мне в чащах цветущих,
где ярко и мирно от жизни,
где зелень всё гуще и гуще.
Шагаю сквозь дебри густые
к траншеям,
к воде заржавевшей,
и мне деревца молодые
встречаются реже и реже...

1984 г.

Полдень

Я сквозь листву дыхание света слушал,
когда в траве у тёплых тополей
не просыхали солнечные лужи
в плавучей невесомости теней.

И так же невесомы в мыслях сонных
казались боль и тьма насущных дел...

А в небесах, до сини раскалённых,
к дождю взывая, жаворонок пел!

1979 г

Посеявший ветер...

В пучине ветра и дождя
я — как корабль перед крушением,
дрожу, но смерть воображеньем
нетерпеливо отводя,

над бездною взлететь готов...
За высь цепляюсь взором слепо:
ни капли звёздной в дебрях неба
за чёрной сетью проводов.

Скрежещет груз стальных снастей
добычей неподъёмной ветра,
и фонари хвостами света
по-рыбьи бьют по темноте!

И мне осилить груз невмочь —
тоски, отчаянья, смятенья,
и кажется, что нет спасенья, —
так бесконечна эта ночь.

О, Господи, всели в меня
надежду, что, минуя мудро
коралловые рифы утра,
взойду на твердый берег дня.

1995 г.

После битвы

Враны кружат, волки воют,
только встать не в силах воин:
бесконечной, видно, стала
тяжесть смертная металла,
тот осколок небольшой
между телом и душой.
Вечер вьётся мягкой мглою
над простреленной землёю
и следы скрывает смерти...
А стекло небесной тверди
будто пулями пробито:
в звёздных дырочках, как сито, —
к ним душа летит, как ветер.
Светоточат дыры эти,
словно там, над высью где-то,
неземное царство света...

2000 г.

Последний трамвай

Впервые холодно вдвоём.
От стужи выдохи белёсы,
И замерзают даже слёзы
на шарфе огненном твоём.

Войдём одни в трамвай пустой.
Пьянея от тепла, проедем
по улице в застывшем свете
и над замёрзшею Невой.

Как чудо, принимаем мы,
что нас пригрел вагон трамвая,
движенье смело продолжая
в разгар неистовой зимы.

Повсюду льды, снега, мороз,

а рельсов сталь под грохот грузный
легко бежит по круглым руслам
и громко бьётся в берега колёс!

1996 г.

Поэт

Понял я среди непрочных
зримых форм, явлений внешних,
что поэт – лишь переводчик
мыслей – из миров нездешних:
на язык наш человеческий
переводит голос Вечности...

2002 г.

По-утреннему лес одет...

По-утреннему лес одет
в небесный цвет, в озёрный свет.

В воде и в небе — облака.
Ни всплеска вслух. Ни ветерка.

Боюсь пошевелить веслом —
полмира не собрать потом...

1987 г.

***** Просветлённые улицы**

Просветлённые улицы
праздничны и многолюдны.
Птицы громко друг друга
поздравить спешат с новосельем.
Похудели сугробы,

горбатые,
словно верблюды,
и устало осели,
навьючены солнцем весенним...

Простуда

Простудился.
И, слякоть ругая,
я валяюсь в кровати и слышу
громкий смех незнакомых мальчишек —
мимо окон они пробегают.
И осеннюю влагой упрямо
размывается время за мной...
Снова сердится
строгая мама
и кричит:
«Ну-ка, живо домой!»
Догоняю друзей,
убегаю
за хохочущим временем вслед,
где упорно не верю, не знаю,
что зовущей из прошлого —
нет.
А мальчишки играют в пятнашки.
Без меня.
Но от той непогоды
и на мне повлажнела рубашка...
Через многие-многие годы.

Пульс

Вникаю в мир мышленьем, слухом, взглядом, —
дискретному движенью нет конца:

пульсирует в пространстве каждый атом,
пульсируют и звёзды, и сердца.
Невидимая кровь от сердца мира
питает пульс материи любой,
и длится жизнь в пульсирующих мигах...
А что меж ними? Пустоты покой?
Безмолвствуют межвременные щели,
как будто до поры в себе тая
тот узкий путь, что от святой купели
ведёт в просторы пакибытия...

2001 г.

Пытался проникнуть я взором

Пытался проникнуть я взором
в глубь неба,
где тайна сокрыта
о свете,
что странным узором
просеян сквозь звездное сито...
Однажды порою ночью,
загадкой томим сокровенной,
подумал я вдруг:
надо мною —
рентгеновский снимок Вселенной!

Равновесие

Из посеянных над лугом звёздных зёрен
тихо прорастает чистый свет...
У тебя — восторг и страх во взоре:
грандиозней этой выси нет!
Но от бездны чуждых солнц, планет

тем скорей почувствуешь ты вдруг,
глядя на знакомый с детства луг,
как травинка — тонкие весы —
каждую молекулой своей
взвешивает
капельку росы
с мирозданьем,
отраженным в ней...

Равновесие

Яблони, видать, устали очень —
не хотят и шелохнуть листочком,
да и что шуметь своим убранством —
зная, что теперь плоды их точно
в зрелом равновесии с пространством.
Но, от стука вздрогнув,
чутко внемлю,
как, собою вытесняя воздух,
яблоки с небес летят на землю,
тусклы и круглы,
а звёзды... — звёзды
яркие и длинные в паденье...

Родники

Не потому ль так просторны для зренья и слуха
наши исконные реки, леса и поля,
что для широкого вольного русского духа
не по размаху любая другая земля?

В реку большую соборная сходится сила —
из родников небольших, неприметных в природе, —
так и Великая наша — Большая Россия —
черпает силу из малых — у каждого — родин...

*** * * С моего рожденья и поныне...**

“Я человек, я посредине мира...”

Арсений Тарковский

С моего рожденья и поныне
Вечность — предо мною и за мной,
и рождается посредине
Вечности — мой каждый миг земной.

Но из нас любой однажды встретит
самое протяжное мгновение,
чьё начало здесь, на этом свете,
а на том — зияет продолжение...

2007 г.

Светотени

Под робким солнцем в день осенний
с холодным ветром в унисон
трепещут солнечные тени
кленовых пятипалых солнц,
струящих золотистый сумрак...
И образ мыслится безумный:
что там, за Солнцем, проявило
свой лик сверхновое светило,
творящее слепящий день
и Солнца золотую тень!
Но только безначальный Свет,
Которого превыше нет,
даёт в молитвенной тиши
узреть и свет, и тень души...

2007 г.

Свобода

О, человек, грехом боримый,
не в том ли жизни смысл находишь,
что, своевольем одержимый,
стремишься к призрачной свободе?
В таком стремленье мало проку:
рабом страстей ты стал в итоге...
Доверь свою свободу Богу,
чтоб стать вовек свободным в Боге!
Сентябрь
Всю ночь дожди над чёрной степью
висли...
А утром ранним в тихое село
вошёл сентябрь
и горсть озябших листьев
швырнул в окно — внезапно и светло.
Присел у заколоченного дома,
тряхнул с досадой взмокшей головой,
взглянул устало в сторону черёмух
и тополей над медленной водой.
Расстроенный безлюдностью деревни,
поджёт осиротевшие деревья
и, заболев туманной слепотою,
сердясь, что здесь не встречен он, как гость,
забрёл в наш сад и там, шурша листвою,
краснел, срывая на рябине злость...

Сети

Никак не разорвать вопросов сети,
пока мой дух ответов не добудет:
зачем дано мне жить на белом свете,
зачем меня когда-нибудь не будет?

И где была душа за много лет
до воплощенья? Что со мной такое

случится после жизни? И в ответ
я лишь молчанье слышу — гробовое.

2002 г.

Синие листья

Лежать бы мне в травах зелёных,
смотреть — и чего ещё надо? —
как плавно колышется в кронах
и зелень, и синь, и прохлада.
Лежать бы вот так, без движенья,
с навязчивой мыслью смириться:
«Я — только лишь суть отраженья
природы, и мне с нею слиться...»

И вот

на таинственной грани,
что сон отделяет от яви,
во мне,
как в зеркальном экране,
зарос этот воздух ветвями.

Во мне —

мяты бурая свежесть,
растущей на скалах из тверди, —
единством их уравновешен
спор вечный —
о жизни и смерти.

Во мне —

этой речки течение,
зовущей к покою невнятно...

Но, если я лишь отраженье
природы,

тогда непонятно,

зачем,

заодно с нею мысля,

вдруг выдумал зримую небыль:

отчаянно-синие листья
на фоне зелёного неба!

Сны

Вхожу я в тонкий сон,
от яви обессиля,
как в тёмный кинозал,
дыханье затая:
быть может, эпизод
покажут мне из фильма,
где вся, до мелочей,
заснята жизнь моя.
Что было, что грядёт,
во сне я часто вижу,
как будто кем-то мне
зачем-то знать дано:
мгновенье – это кадр,
отдельный, неподвижный,
судьбы моей давно
готового кино.
Мгновенья – это кванты
времени земного,
из них мой создан мир,
делим и недвижим,
мгновенья для меня
подобны буквам слова,
духовным взором я
читаю жизнь по ним.
Чем завершится фильм?
Каким конечным кадром?
Луч разума скользит
по монолиту лет
туда, где на краю,
в моём последнем завтра
пределы сна взорвёт

нездешний белый свет.

2.

Снилось мне, что там,
в пространстве где-то,
солнце отпылало вдруг, и тут
оставалось нам дневного света
лишь на восемь световых минут.
Не зажечь погасшее светило,
неизбежна ледяная ночь,
и планете никакая сила
не могла ничем уже помочь.
Я один про это знал как будто,
но меня не слушали всерьёз,
ты вдыхала розовое утро
и смеялась надо мной – до слёз.
И не ведал мир, что не спасётся!
Пели птицы, зарождался зной...
Лишь Луна посмертной маской Солнца
обречённо стыла над Землёй.

2001 г.

Солнечные соты

Знойный сумрак в дебрях сада...
У колодца — пир пчелиный:
бас у пчёл густой и длинный,
день-деньской кружиться надо.
Тяжелее нет работы —
на жаре доить цветы,
чтоб зимою были соты
солнцем густо налиты!

Сонет

Я в детстве жил, как будто в центре мира,
и вечным мир тогда, казалось, был...
Но дни за днями проходили мимо,
и уходили те, кого любил.

Душа моя порой осознавала
сквозь боль потерь земной судьбы мгновенность,
но мысль о вечном — быстро затмевала
вещей и плоти временная ценность.

Так бытие перемешалось с бытом,
когда за Вечность принял я мгновенье.
О ком — любимом, но потом забытом —
так безутешно плакал при рожденье?

Я верю, что к забытому вернусь:
Ему за миг до смерти улыбнусь.

1993г.

* * * **Стареет на земле любая новь...**

Стареет на земле любая новь,
за временем и мысли не угнаться!
То ненависть грызёт, а то любовь,
то нищета грозит, а то богатство...

Не бесконечно ль пусто то и то
для тех, чья жизнь заведомо конечна?
Лишь тот, кто мира чувствует Ничто,
своей душой предощущает Нечто.

2004 г.

Судеб живые нити

Слышу опять спросонок:
где-то в углу котёнок
играет с клубочком шерсти.
Дождик стучит по жести...

И снова с утра трамваи
пороги рельс обивают;
снуют силуэты граждан,
и кажется, будто каждый
жизни своей клубочек
разматывает незримо —
длиннее или короче,
и тянутся мимо-мимо
на узелках событий
судеб живые нити —
тонкие — не порвите!

Тени

Порыв изображая ветра,
безмолвно, плоско, одноцветно
по стенам двигаются тени
от солнечной листвы осенней:
живой зелёный сок она
испив до золотого дна,
лишь тенью стала огневой
листвы, — вчера ещё живой.

И та листва шептала летом,
что рождена нездешним светом,
но лишь как тень от листьев горних,
закону тленья непокорных...

*** * *Торопил я в детстве время...**

о. Анатолию (Трохину)

Торопил я в детстве время,
каждый день приветствуя!
Взрослым стать хотел скорее,
а теперь бы — в детство мне.

Возвратить бы то, что было,
да не получается...
Юность жизнь свою любила,
зрелость жизнью мается.

И веселья мало стало,
и лихой беспечности, —
знать, моя душа устала
отдыхать от Вечности...

2002 г.

У Прохоровки

Поутру по огненному знаку
пять машин КВ ушло в атаку
Сергей Орлов

О жизни и о смерти
до утра
дождь говорил
на языке морзянки...
Работали в тумане трактора,
а чудилось —
в дыму гремели танки.
Лучом пронзило мглу,
и предо мной
сверкнул пейзаж,

как снимок негативный...
Мне жутко миг представить за бронёй,
которую прожёт
кумулятивный!
Я думал, сталь
надёжнее земли,
но в сорок третьем здесь пылало лето:
и сталь, и кровь беспомощно текли,
расплавившись,
и были схожи цветом.
Наверно, мир от ярости ослеп:
чернело солнце,
мерк рассудок здравый,
когда в той схватке
с диким воем
степь
утюжили стальные динозавры.
Огромные, железные, они,
друг друга разбивая и калеча,
скрывали там,
за хрупкостью брони,
трепещущее сердце человечье.
Земля и небо —
в звёздах и крестах!
И раны кровоточат, и мозоли.
В эфире жарко,
тесно, как на поле,—
звучит «Огонь» на разных языках,
на общечеловечьем —
крик от боли!
И где-то здесь,
среди бугров
и ям,
сквозь смотровую щель шального танка
ворвался полдень
и, как белый шрам,

остался на лице у лейтенанта...

Войны не зная,
понимаю я,
что в том бою должна была решиться
судьба России и судьба моя:
родиться мне на свет
иль не родиться,
и встать ли мне однажды до утра,
за Прохоровку выйти спозаранку,
где бродят тени опалённых танков,
где их родные дети — трактора —
былое поле битвы пашут мирно...

Утро на покосе

Деду моему
Софрону Ивановичу

Просыпаюсь утром я —
как недолги ночи!
Вот опять свою косу
кто-то громко точит.

Поднимаюсь и бегу.
Кто же встал так рано?
Солнце косит на лугах
заросли тумана.

И, на тень смотря, кажусь
сам себе я рослым!
В тёплых травах тихий звон —
тонко тают косы.

Мерны взмахи косарей —
плавная работа!
И рубахи на плечах

сплошь в заплатках пота.

«Я уже большой — смотри...
Покосить мне можно?»
Дед качает головой:
«Долго спишь, помощник!..»

...Громкий хохот мужиков.
И, насмешки чуя,
не вступаю в разговор, —
ведь косу точу я.

А коса в руках юрка.
«Юрка, не балуй-ка!»
«Ой!» — и брызнула в траву
тёплой крови струйка.

Только б слёзы удержать —
рядом говор, лица...
Руку забинтуют мне
белою тряпицей.

«Ох, наделал ты делов —
бабка нам покажет!»
Стиснув зубы, я твержу:
«Оцарапал — скажем...»

Фильтр

Пространство ново каждый миг,
но в ипостасях многослойных
един меняющийся мир:
абстрактный, ясный, горный, дольный...
Числом бессмысленным страшат
ряды премногих поколений.
Ныряет за душой душа

в стремнину смертную движений,
где вещества идёт распад,
где искушений тяжко бремя,
где Вечность прочит рай и ад
и распадается на время!
Когда-то счастлив и крылат,
рождённый вольным и небесным,
дух человеческий объят
пространством – временем телесным.
Он ризой кожаной повит,
и окружил его собою
материальный мир – как фильтр
меж горней жизнью и земною.
Вещественного мира князь
лишь те, фильтруя, ловит души,
в которых – тьмы греховной грязь,
а чистый свет спасенью служит:
для чистых душ преграды нет, –
их свет летит на Вышний Свет!

Через перевал

Извиваясь,
вверх ползёт дорога.
Ощутимей ветер высоты.
Мотоцикл внимательно и строго
движется по краю пустоты...
И потеет, как живой, металл,
но подобьем неживого смеха
двигателю громко вторит эхо
и пугливо бьётся между скал.
Метр за метром измеряем мы
этот незнакомый путь

длинною
от разгара лета за спиною
до высокой солнечной зимы.
Снег.
Следы ещё горячих шин...
А сквозь туч ребристые забрала
дышат в лица горы перевала
холодом сияющих вершин.
И простор открылся —
да какой! —
и над нами небо,
и под нами...
По дороге едем небесами —
облако я трогаю рукой.
Здесь передохнём хоть полчаса.
Тишина прозрачна и бесстрашна.
И не чьи-то —
в первый раз так ясно
собственные слышим голоса.
Звонок смех —
безмолвью вопреки.
И хрустит, как яблоко ранета,
этот снег,
впитавший столько света...
Мы успеем поиграть в снежки
и до вечера
вернуться
в лето...

1983 г.

Энное измерение

Во времени земном легко измерить
на тёмном фоне неподвижной вечности
светящуюся
чью-то жизнь одну:

так мало от рождения до смерти
нетленного отрезка бесконечности...
Но как его измерить глубину?

1988 г.

Я тяготился тьмою законной

Я тяготился тьмою законной,
опоры взор мой тщетно в ней искал, —
как будто в пустоте он утопал,
и показалась эта ночь бездонной,
когда часы мои остановились...
Но позже, как жемчужинки со дна,
сквозь темень запотевшего окна,
мерцая робко, звёзды проявились.
Мелела ночь, след оставляя росный,
и на её незамутнённом дне
всё радужнее открывался мне
коралловой зари высокий остров.

***** Я шагал один по мостовой**

Я шагал один по мостовой
и не мог представить, в самом деле,
что же так волнует...
А за мной
шла весна
на каблучках
капели...

1984 г.